

Молодежное социоселфи: социальные стратегии региональной молодежи

И. С. Шаповалова ✉

И. С. Заводян

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(г. Белгород, Российская Федерация)*

✉ shapovalova@bsuedu.ru

Аннотация

Введение. Актуальность статьи определяется необходимостью мониторингового контроля показателей и элементов социальных стратегий молодежи в условиях высоких социальных рисков приграничного региона. Цель исследования – определение типичных социальных черт региональной молодежи на основе ключевых показателей ее социальных стратегий.

Материалы и методы. Для определения характеристик и показателей социальных стратегий молодежи изучены результаты и выполнен анализ материалов исследования 2023 г., проведенного в Белгородской области методом онлайн-опроса молодежи в возрасте от 14 до 35 лет ($n = 5\,881$, учащаяся, студенческая и работающая региональная молодежь). Использование данного метода позволило осуществить большой охват респондентов, в том числе в труднодоступных районах и поселениях региона, обеспечить репрезентативность выборки.

Результаты исследования. Результатом исследования стал социальный портрет региональной молодежи на основе ключевых типов стратегических диспозиций и жизненных планов по 12 социальным стратегиям. Выявлены ключевые потенциалы, связанные с карьерными амбициями, ориентаций на традиционные семейные ценности, стремление к образованию и саморазвитию, внимание к собственному здоровью, потребность в самореализации. Определены риски, способные нанести серьезный ущерб региональному человеческому капиталу: экономическая инфантильность в сочетании с высокими экономическими притязаниями, общественная пассивность и политический эгоцентризм, ситуативная (избирательная) духовность, повышенный миграционный потенциал (ориентация на выезд за пределы региона).

Обсуждение и заключение. В качестве итогового вывода стоит подчеркнуть информационно-аналитические возможности социального портрета региональной молодежи на основе социальных стратегий: черты портрета позволяют определить возможности будущих социальных инвестиций в регион со стороны молодых людей, уточнить проблемы и дефициты социализационного воздействия, сформировать задачи по обеспечению возможности реализации жизненных планов молодежи для органов государственного и муниципального управления. Материалы статьи могут быть востребованы органами управления государственной молодежной политики разного уровня, органами государственного и муниципального администрирования, молодежными организациями, образовательными учреждениями.

Ключевые слова: молодежь, социальные стратегии молодежи, диспозиции молодежи, социальный портрет, жизненные планы, человеческий капитал

© Шаповалова И. С., Заводян И. С., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена при финансовой поддержке государственного задания FZWG-2023-0016, тема «Жизненные стратегии молодежи в условиях геополитической трансформации российского пространства».

Для цитирования: Шаповалова И. С., Заводян И. С. Молодежное социоселфи: социальные стратегии региональной молодежи // Регионология. 2024. Т. 32, № 4. С. 768–792. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.032.202404.768-792>

Youth Social Selfie: Social Strategies of Regional Youth

I. S. Shapovalova ✉, I. S. Zavodyan

Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

✉ shapovalova@bsuedu.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the article is determined by the need for monitoring control of indicators and elements of social strategies of youth in the conditions of high social risks of the border region. The purpose of the article is to determine the typical social characteristics of regional young people based on key indicators of their social strategies.

Materials and Methods. The article examines the results and analysis of the materials of the 2023 study conducted in the Belgorod region using an online survey of young people aged 14 to 35 years. The use of this method made it possible to cover a large number of respondents, including in hard-to-reach areas and settlements of the region, to ensure the representativeness of the sample. The study involved 5881 people (schoolchildren, students and working youth from the region). The purpose of the study was to determine the characteristics and indicators of the social strategies of young people.

Results. The result of the study was a social portrait of regional youth based on key types of strategic dispositions and life plans for 12 social strategies. Key potentials were identified related to career ambitions, orientation to traditional family values, desire for education and self-development, attention to one's own health, and the need for self-realization. Risks that could seriously damage to regional human capital were identified: economic infantilism combined with high economic aspirations, social passivity and political egocentrism, situational (selective) spirituality, increased migration potential (orientation to leave the region).

Discussion and Conclusion. As a final conclusion, it is worth emphasizing the informational and analytical capabilities of the social portrait of regional youth based on social strategies: the features of the portrait allow us to determine the possibilities of future social investments of young people in the regions, to clarify the problems and deficiencies of socialization effects, and to formulate tasks to ensure the possibility of implementation of life plans of young people for state and municipal government bodies. The materials of the article may be in demand by state youth policy management bodies of various levels, state and municipal administration bodies, youth organizations and educational institutions.

Keywords: youth, social strategies of youth, youth dispositions, social portrait, life planning, human capital

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Funding. The article was prepared with the financial support of the state task FZWG-2023-0016, the topic "Life strategies of youth in the conditions of geopolitical transformation of the Russian space".

For citation: Shapovalova I.S., Zavodyan I.S. Youth Social Selfie: Social Strategies of Regional Youth. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(4):768–792. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.032.202404.768-792>

Введение. В последние годы предельно возросла турбулентность социальных процессов, что связано как с общим усложнением и скоростью социальных преобразований, так и с неожиданно возникающими социально-экономическими и политическими факторами, меняющими социальный ландшафт и, как следствие, формирующими отклик на ситуацию социальных групп и сообществ.

Одной из самых динамичных, реактивных групп в этом отношении является молодежь. Вариабельность решений, в связи с возрастом и не весомым еще социальным (система социальных связей и отношений) и ресурсным (объективный результат реализованных жизненных стратегий – дети, семья, имущество и т. д.) капиталом, позволяет молодежи быстро и гибко реагировать на изменяющиеся условия, менять установки, ключевые диспозиции, выбирать новые вектора своего развития, обновлять жизненные планы.

Система социальных стратегий молодежи гибко подстраивается под условия среды, показывая, как правило, высокую адаптивность, инновационность по отношению к новым реалиям. Чаще всего такая адаптивность приводит к положительным эффектам, и в этом случае можно говорить о выборе более рационального жизненного пути, жизненных ориентиров, которые способны привести к социальному благополучию. Но бывают и обратные ситуации – молодые люди, быстро реагируя на социальные изменения и прогнозируемые риски, меняют свои жизненные планы, что в итоге может коренным образом затронуть все показатели социального благополучия и привести далеко не к позитивным эффектам [1].

В этой связи становится актуальным получение постоянной мониторинговой информации об основных жизненных диспозициях и стратегиях молодежи, определение ее социальных черт в реализации социальных стратегий. Такой социальный портрет может быть результатом социальной диагностики важных для принятия решения и контроля показателей, на основе самостоятельной оценки молодежью своих ключевых диспозиций по разным направлениям.

Особенно актуальной такая информация становится в условиях высокого территориального риска, социальной напряженности, которая характерна сейчас для целого ряда приграничных регионов. Так, например, Белгородская область, находясь в эпицентре прифронтовой активности, в полной мере испытывает на себе риски трансформации социальных стратегий региональной молодежи – ее отток с территории (миграционные стратегии), выбор вузов и перевод в образовательные учреждения за пределами региона (образовательные стратегии), внешнее трудоустройство (карьерные стратегии), отсроченное деторождение (матримониальные стратегии) и изменение духовно-нравственных ориентиров и ценностей (духовно-нравственные стратегии), а также повышение гражданской включенности (общественные стратегии) и т. д. – все это меняет структуру регионального человеческого капитала. Превентивное реагирование на возможные риски при помощи расширенных мер поддержки молодежных стратегий может стать результатом получения своевременной информации по данному вопросу. Таким образом, региональная ситуация Белгородской области, с одной стороны, может показать уникальные условия, в которых формируются и трансформируются социальные стратегии региональной молодежи, с другой – указать на типичные риски и потенциалы для других регионов, оказавшихся в сходной ситуации.

Цель исследования – составить комплексный социальный портрет регионального молодежного сообщества на основе рефлексивной оценки молодыми людьми основных социальных стратегий.

Обзор литературы. Идея социального портретирования вообще и молодежи в частности не нова – вопрос заключается лишь в системности (масштабности), объективности и направленности характеристик социального портрета. Как правило, исследователям интересен портрет конкретных социальных групп, например студенчества [2–4]. В этой связи отдельную значимость имеет 25-летний мониторинг коллектива исследователей под руководством Ю. Р. Вишневого, отражающий многокомпонентность и преемственность социальных характеристик данной группы для конкретной территории [5]. Важными являются социальные портреты и учащейся молодежи, которые, в случае исследовательской преемственности, могут представлять собой социологическую панель определенной части поколения или поднимать проблемы, связанные с особенностями условий социализации [6]. Актуальны социальные портреты и работающей молодежи, особенно в связи с тем, что именно данная категория теперь расширенно представлена в молодежной политике, и этот ее объект пока не охвачен в полной мере мероприятиями поддержки [7; 8]. Изучая дискурс по данной теме, можно увидеть и проблемные социальные портреты, где акцент, как правило, ставится на миграционных потенциалах и характеристиках молодежи [9–11].

Особую ценность в этом ряду имеют исследования, направленные на получение комплексного портрета молодежи, например изучение различных сторон жизни молодых людей и оценку среды с позиции процессов самоорганизации¹.

Во всех случаях, когда результатом исследования является социальный портрет молодежи, различительной характеристикой таких исследований становятся составляющие социального портрета. Если социальный портрет имеет какой-либо акцент, связанный, например, с вопросами трудовой [3; 8], общественной [4; 7] или миграционной активности [9–11], то в этом случае характеристики такой активности, вовлеченности в нее, факторы, сопровождающие принятие решения в данной сфере, рассматриваются через призму демографических характеристик (пол, возраст, семейная ситуация, экономическое положение и т. д.).

В случае, когда научными коллективами предпринимается попытка дать системный портрет молодежи (определенной ее части, аффилированной с территорией или обладающей иными характеристиками общности), внимание концентрируется на различных сторонах жизни, где изучаются ценностные диспозиции, особенности поведения, выявляются закономерности в формировании мнения, а также диагностируются основные социальные характеристики группы [2; 5; 6].

Для реализации цели нашей статьи особый интерес представляют социальные портреты, в основе которых лежат представления о социальных стратегиях молодежи, включающих как стратегические диспозиции и ценности, так и жизненные стратегии (ориентиры, цели, планы) молодежи. Методологическую основу их изучения можно найти в работах Ю. А. Зубок и В. И. Чупрова, где представлен обзор теорий и подходов к вопросу формирования понятия и изучения именно жизненных стратегий молодежи в научном российском и международном дискурсе² [12; 13].

¹ Саморегуляция в молодежной среде: типологизация и моделирование / Ю. А. Зубок [и др.]. Белгород : Эпицентр, 2022. 360 с. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-382-9.2022>

² Чупров В. И., Зубок Ю. А., Романович Н. А. Отношение к социальной реальности в российском обществе: Социокультурный механизм формирования и воспроизводства. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2014. 353 с.

Так, значимой можно считать идею о том, что «наличие стратегии жизни следует рассматривать в качестве критерия зрелости личности как целостного субъекта деятельности, что проявляется в умении соединять воедино три компонента – свои индивидуальные возможности (статусные, возрастные и пр.), собственные притязания и требования внешней среды³, а также концепцию транзycji, основанную на переходности социального статуса молодежи⁴. Системная актуальность изучения жизненных (и тем более социальных) стратегий молодежи подчеркивается авторами через идею о том, что «место жизненных стратегий в социокультурном механизме саморегуляции жизнедеятельности определяется их связью с архетипами, ментальными и современными чертами национального характера, габитусами и стереотипами. Они служат важными источниками образования смыслов, определяющих направленность целей жизнедеятельности» [12, с. 22].

Если сравнивать направление научного дискурса в этой сфере между российскими и зарубежными исследованиями, то существует определенный разрыв в восприятии социальных и жизненных стратегий молодежи в международном сообществе: как правило здесь можно столкнуться с исследованиями, посвященными проблемам социально уязвимых групп, например, не получивших образования [14], воспитанных в приемных семьях [15; 16], мигрантов (в том числе и образовательных) [17; 18]. Большое количество исследований посвящено жизненным проблемам и траекториям молодежи, относящейся к ЛГБТ-сообществам⁵ (идентифицирующим себя с ними) [19]. Контекст социальной защиты и последствий социальной уязвленности просматривается даже при изучении отдельных направлений в социальных стратегиях молодежи, например, в отношении само-сохранительных стратегий при анализе восприятия молодежью из группы риска продолжительности жизни [20].

Исключением в этом ряду становятся общественные стратегии, где рассматривается включенность молодежи в гражданские практики [21], но и здесь исследователи часто обращаются к группам, находящимся на особом положении (например, мигрантам) [22]. Можно выделить немногочисленные исследования, связанные с поиском факторов, влияющих на возможности молодежи в самореализации в жизненном пространстве [23] или анализирующих молодежную рефлексию относительно проблем в реализации своих жизненных стратегий [24]. Такой контекст исследований социальных и жизненных стратегий молодежи, с одной стороны, устанавливает максимальную связь между стратификационным признаком на основе реактивности, но с другой – максимально прикладной характер исследований затрудняет осуществление прогноза в формировании и реализации социальных стратегий молодежью, а отсутствие системных исследований не позволяет увидеть общий социальный портрет молодежи.

В российском научном пространстве, напротив, есть укрупненное видение социальных групп молодежи. Стратегии, жизненные траектории и жизненные

³ Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М. : Мысль, 1991. С. 67.

⁴ Misleading Trajectories: Integration Policies for Young Adults in Europe? / eds. by A. Walther [et al.]. Wiesbaden : Springer : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2002. <https://doi.org/10.1007/978-3-663-10808-5> ; Youth and the New Adulthood: Generations of Change / eds. by J. Wyn [et al.]. Singapore : Springer Nature, 2020. <https://doi.org/10.1007/978-981-15-3365-5>

⁵ Организация и идеология запрещены в России.

планы молодежи изучаются достаточно активно, но не в системе, а по конкретным направлениям. Например, часто исследователи обращают внимание на трудовые, карьерные и профессиональные стратегии молодежи в связи с проблемой востребованности молодых специалистов, уровнем их притязаний, освоением ими рынка труда [25–27]. Большое внимание уделяется и матримониальным стратегиям, в рамках которых исследуются стратегии брачного и репродуктивного поведения [28–30] и обозначаются возможные проблемы национальной демографии. Конечно, не остаются без внимания и политические стратегии молодежи, они особенно актуальны в современных геополитических реалиях; как правило, в исследованиях идет речь об активности, об отношении к политической ситуации, но есть работы, делающие акцент и на протестном поведении как особой политической стратегии молодого поколения [31; 32]. Образовательные стратегии молодежи, особенно в условиях цифровизации образования, внимания к новым формам получения образования, также вызывают интерес ученых и практиков [33; 34].

Важнейшим акцентом в исследовательском поле стратегий молодежи, особенно для региональных исследований, становится мониторинг миграционных стратегий – взаимосвязь между ними и региональным человеческим капиталом очевидна, контроль миграционных настроений молодежи становится актуальной задачей региональной политики [35].

Исследовательский интерес представляют и досуговые стратегии, как правило их связывают с возможностью самореализации молодежи, а также теми акцентами, которые показывают смену ее интересов и культурное потребление⁶ [36]. Не остаются без внимания и экономические стратегии молодежи, отражающие ее экономические модели поведения, планы приобретений, уровень финансовых притязаний, а также финансовую грамотность и другие аспекты экономической культуры [37].

Системные же исследования в данной области не так обширны, хотя именно они дают возможность установить каузальные связи между показателями разных стратегий, увидеть комплексное жизненное решение и спрогнозировать социальные показатели будущего для территорий разного уровня. В предлагаемом материале мы хотели бы представить системное видение социального портрета молодежи на основе оценки показателей 12 направлений социальных стратегий. Под социальными стратегиями мы будем понимать субъективную «систему жизненного проектирования, связанную с жизненными ориентирами и отражающую основные стратегические диспозиции, модели поведения, факторы принятия решений, стратегические планы, барьеры их реализации, требуемые ресурсы и их оценку, проблемный компонент»⁷. Такое комплексное определение позволяет разграничить понятия социальных и жизненных стратегий, под которыми мы понимаем только систему жизненного планирования и жизненных ориентиров (и включаем их показатели в общую исследовательскую модель).

⁶ Шаповалова И. С. Досуговые стратегии молодежи: факторы досугового выбора и культурная карта досуга // Научные результаты социологии – 2022. Сб. ст. по материалам II Междунар. науч. онлайн-форума / отв. ред. И. С. Шаповалова. Белгород, 2023. С. 196–204.

⁷ Шаповалова И. С. Социальные стратегии молодежи: есть ответы на все вопросы [Электронный ресурс] // Социодиггер : сайт. URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/socialnye-strategii-molodezhi-est-otvety-na-vse-voprosy> (дата обращения: 11.06.2024).

В связи с ограничениями, связанными с форматом научной публикации, нами будут предложены только два блока в оценке социальных стратегий молодежи: стратегические диспозиции и жизненные стратегии.

Материалы и методы. Исследование проводилось на основе материалов мониторинга социальных стратегий молодежи, который Международный центр социологических исследований Белгородского государственного университета осуществляет с 2018 г. В статье показаны результаты последней волны, проведенной в ноябре 2023 г., респондентами стала региональная молодежь Белгородской области в количестве 5 881 чел., выборка квотная по отношению к полу, возрасту, типу поселения и территории проживания респондентов (районы Белгородской области). Дополнительными стратификационными признаками в исследовании выступали группы молодежи (учащаяся (40 %), студенческая (40 %) и работающая (20 %)), а также экономический статус молодых людей и их семей. Все респонденты были проинформированы о цели исследования и выразили готовность к сотрудничеству.

В качестве метода исследования был использован онлайн-опрос с привлечением рекрутеров, организующих взаимодействие с респондентами. Такой метод позволил снизить количество отказов респондентов, обеспечить репрезентативность региональной выборки, в том числе с привлечением молодежи из труднодоступных и закрытых территорий области (приграничные зоны).

Укрупненными показателями исследовательской модели выступили экономическая, политическая, карьерная, семейная, образовательная, общественная, духовно-нравственная, миграционная, досуговая, самосохранительная, самореализационная и коммуникативная стратегии. В рамках статьи мы ограничиваемся типологией стратегических диспозиций и жизненными планами по каждой социальной стратегии.

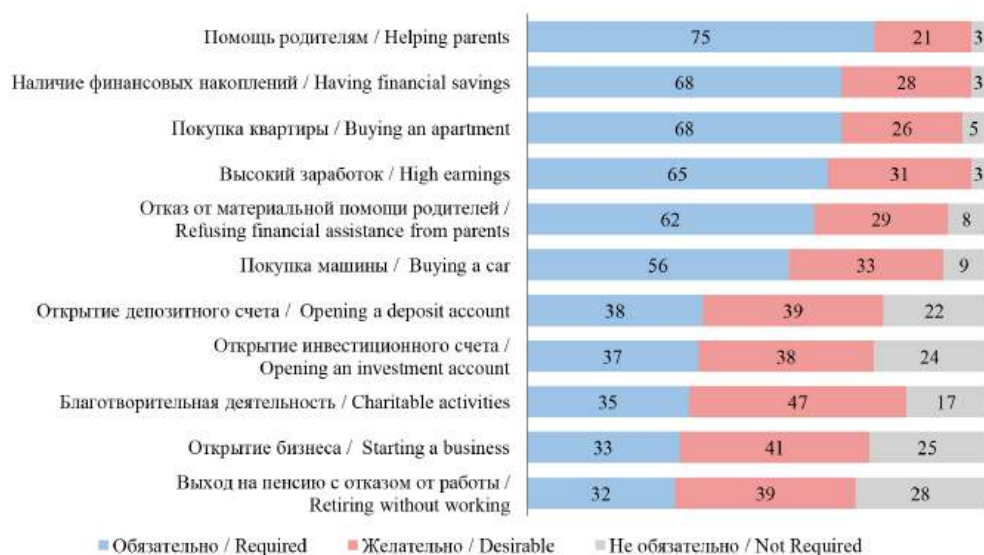
Операционализация типов, положенная в основу типологии для каждой стратегии, основана на возможных вариантах отношения к данной стратегии или ее ценностному ядру (например, семья – для семейных стратегий, здоровье – для самосохранительных и т. д.). В вопросах, касающихся типологии стратегических диспозиций, молодым респондентам предлагалось определение ведущей жизненной установки относительно стратегии, которая определяла бы их дальнейшее поведение (предлагалось ответить на вопрос «К какой из групп Вы себя относите?»). Выборы по данному вопросу были даны в закрытой форме и на альтернативной основе (не предусмотрено множественного выбора и открытых вариантов ответов). Это позволило получить более четкую структуру типов для региональной молодежи.

Жизненные планы для каждой стратегии установлены исходя из ключевых жизненных ориентиров молодежи. Вопросы, касающиеся жизненного планирования, были даны в табличной форме с обязательной оценкой каждого выбора по шкале «обязательно», «желательно», «не обязательно». Инструкция к вопросу звучала следующим образом: «Насколько важно для вас в будущем предпринять следующие шаги, где “обязательно” значит, что Вы не будете считать себя состоявшимся в жизни без выполнения этого условия (если Вы уже реализовали какие-то из предложенных вариантов, отметьте их как обязательные)».

Результаты исследования. Типология экономических стратегических диспозиций (основным типобразующим признаком которой стало отношение к денежному ресурсу) позволила увидеть три ключевых типа в региональном пространстве: накопительный, воспринимающий экономический ресурс как основу безопасности (24 %), гедонистический, легко относящийся к деньгам, ориентированный на удовольствие и потребление (37), предпринимательский тип, воспринимающий деньги как ресурс развития, имеющий бизнес-ориентацию (25 %). Аскетический тип экономического поведения, имеющий умеренные потребности, не воспринимающий деньги как ценность, представлен в меньшинстве (13 %).

Важным жизненным шагом экономического развития становится для молодых людей помощь родителям (рис. 1). Финансовые накопления, высокий заработок и покупка квартиры также обязательны для большинства молодых людей. К этой же группе жизненных планов можно отнести и желание отказаться от материальной помощи своих родителей – такое стремление к самостоятельности демонстрирует даже учащаяся молодежь. Открытие инвестиционных и депозитных счетов, предпринимательская и благотворительная деятельность не так важны для молодежи, но такие стратегии близки примерно трети опрошенным, что, особенно в случае предпринимательства и благотворительности, является весомой чертой к социальному портрету.

Р и с. 1. Экономические жизненные стратегии региональной молодежи, %⁸

F i g. 1. Economic life strategies of regional youth, %

Политические стратегии гораздо менее интересны региональной молодежи, и это подтверждают ее политические стратегические диспозиции (в основу типологии положена самооценка политической активности): так, в региональном разрезе более всего представлены индифферентный и пассивный (слабо

⁸ Здесь и далее в статье рисунки составлены авторами по материалам проведенного исследования.

интересующийся) типы (24 и 60 %), вовлеченный и погруженный типы с трудом совокупно набирают 15 %. Условно политически пассивными и отстраненными могут считаться 85 % молодежи. Такая ситуация не может быть оценена однозначно: с одной стороны, таким образом нивелируется риск включения молодежи в нежелательную политическую активность, а с другой – отсутствие четкой политической позиции, способность ее отстоять снижают общий уровень культуры и активности молодых людей.

Жизненные планы в рамках политических стратегий не настолько обязательны для молодых людей – политические стратегии становятся скорее элитарным выбором, а в условиях преобладания эгоцентричных и инфантильных характеристик в политическом мышлении, можно сказать, что региональная молодежь скорее избегает активного включения в данные стратегии [38]. Даже участие в выборах является обязательным только для 30 % молодежи. Решения, связанные с личной политической вовлеченностью (политическая карьера депутата, губернатора, мэра), интересны для 19 % молодежи – это говорит о высоких политических амбициях (рис. 2). Конечно, ранги таких решений невысоки, но, учитывая низкую востребованность «политических карьеристов», такой показатель можно считать достаточно высоким.

Р и с. 2. Политические жизненные стратегии молодежи, %

F i g. 2. Political life strategies of youth, %

По типам общественных стратегических диспозиций (в основу типологизации положен признак вовлеченности в общественную активность) выделяются эгоцентристы, сконцентрированные на собственных интересах и избегающие общественной активности (42 %), событийные активисты (42), общественники (10), члены объединений (3) и общественные лидеры (1 %). Таким образом, можно сказать, что 85 % молодежи могут считаться максимум случайными активистами, формирующими риск развития общественной пассивности и отстраненности в молодежной среде.

Жизненные планы, связанные с общественными стратегиями, являются обязательными как минимум для четверти молодежи (особенно в части волонтерства и благотворительности, в которых заинтересован каждый третий молодой человек) (рис. 3). Новыми жизненными ориентирами, предлагаемыми как варианты выбора, в этом году в мониторинге стали возможность социального предпринимательства (такой вариант жизненного плана как обязательный ставят для себя 26 %) и реализации социально-значимого проекта (его для себя важным считают 27 %).

Р и с. 3. Общественные жизненные стратегии молодежи, %

F i g. 3. Social life strategies of youth, %

Говоря о досуговых стратегиях молодежи, стоит отметить, что достаточно большая часть молодых людей относятся к группе, досуг которой крайне ограничен в связи с недостатком времени (34 %) или типу с неопределенным досугом (17 %). Те, кто выбирает варианты конкретных досуговых предпочтений, чаще всего отмечают активный (25 %) или развивающий досуг (14 %), в меньшинстве остаются те, кому интересен пассивный досуг (8 %).

Досуговые жизненные стратегии молодежи дают возможность сформировать представление о культурном потреблении, гармоничном жизненном пространстве, устремлениях, основанных на внутренней мотивации – и здесь мы видим, что будущее социальное пространство, связанное со свободным времяпрепровождением, будет построено на основе возможностей саморазвития для 67 % молодежи (рис. 4). В досуговую карту войдут и путешествия (59 %), и спорт (57 %). Стоит подчеркнуть и проблему молодежного досуга, которая выявлена в рамках исследования при составлении карты культурного потребления – на вершине потребления был и остается гастрономический досуг (посещение кофеен, баров и ресторанов).

Среди типов семейных стратегических диспозиций по отношению к институту семьи были выделены традиционный тип, отличающийся уважением семьи, традиционными семейными ценностями (54 %), либеральный тип, не ориентированный на традиционные матримониальные стратегии и более других поддерживающий альтернативные брачные формы (33), эгоцентричный тип, не

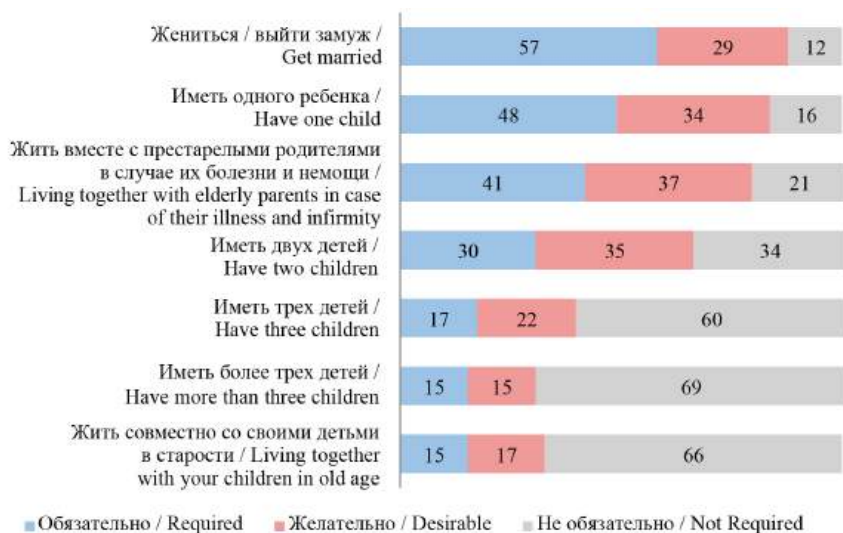
ставящий ценность семьи на первые места в своих жизненных ориентирах (8 %), неформальный тип, отрицающий институт семьи, более других склонный выбирать стратегии безбрачия и чайлдфри⁹ (3 %).

Р и с. 4. Досуговые жизненные стратегии молодежи, %

F i g. 4. Leisure life strategies of young people, %

В отношении жизненных приоритетов в семейных стратегиях женитьба или замужество как обязательное жизненное решение предусмотрено для 57 % молодежи, а вот необязательным такой шаг для себя считают 12 % (что не просто составляет потенциал молодежи, придерживающейся стратегии безбрачия, а обозначает реальных приверженцев данной стратегии (рис. 5). Обязательным для 48 % молодежи становится рождение одного ребенка, для 30 – рождение второго ребенка, а вот третий ребенок в обязательных планах только у 17 %.

Р и с. 5. Семейные жизненные стратегии молодежи, %

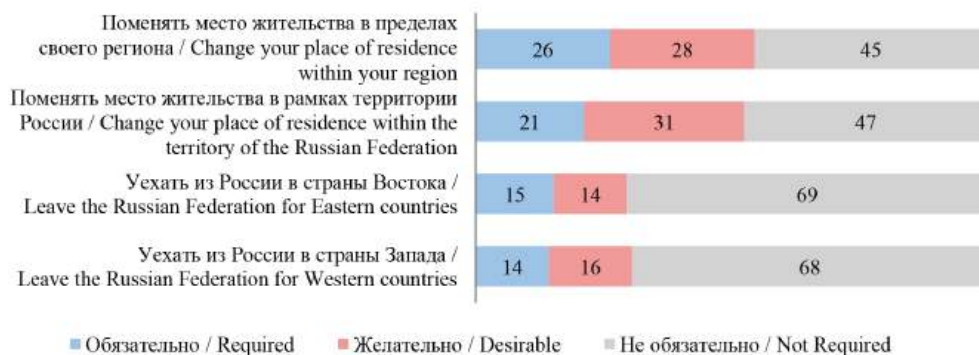
F i g. 5 Family life strategies of young people, %

⁹ Идеология чайлдфри запрещена в Российской Федерации.

Каждый мониторинговый замер социальных стратегий молодежи позволяет увидеть динамику и значение показателей миграционных стратегий, что особенно важно в условиях приграничного региона, оказавшегося в зоне боевых действий. Так, в большинстве в региональном пространстве представлен мобильный тип молодежи (52 %), для которого характерны миграционные устремления, связанные с возрастом («пока молодой, нужно искать себя»); вторым по значению становится оседлый тип (30); третий тип миграционных стратегических диспозиций – урбанистический (10), который может менять региональную структуру и связан с перемещением сельской молодежи в города, а городской молодежи – в мегаполисы; и четвертый – эмигрирующий тип (5 %), стремящийся покинуть страну. В целом структуру миграционных стратегий молодежи можно назвать скорее проблемной для региона.

В свои миграционные планы включают желание переместиться в пределах своего региона 26 % молодежи, такая ситуация объяснима в том числе и с точки зрения безопасности: молодые люди вынуждены переезжать из приграничных зон на более безопасные территории. Как обязательный миграционный выбор для себя изменить место жительства по территории России указали 21 %. В случае острой обстановки с выездом молодежи из провинциальных регионов важное значение имеет и ответ «желательно», который дали 31 % респондентов (рис. 6).

Р и с. 6. Миграционные жизненные стратегии молодежи, %

F i g. 6. Migration life strategies of young people, %

Говоря о карьерных стратегиях, можно отметить, что среди молодежи региона в большей степени представлены карьерные активисты – приоритетный региональный тип (36 %), способные пойти ради карьеры на многое, и карьерные рационалисты (25 %), считающие карьеру важным элементом жизненных стратегий, но не готовые жертвовать ради нее чем-то в своей жизни. По сравнению с прошлым годом немного уменьшилась группа карьерных пацифистов (с 19 до 17 %), не считающих карьеру ценностью и не ориентированных на нее; увеличилась группа карьерных пессимистов (с 14 до 19 %), не видящих для себя карьерных возможностей в силу собственной несостоятельности или условий регионального рынка труда.

Жизненные стратегии относительно карьеры для большинства молодежи связаны с поиском рабочих мест с высокой заработной платой и возможностью карьерного роста, важным для образовательной системы можно считать то, что 42 % устремлены на работу по специальности. Есть и определенные амбициозные планы – 42 % молодых людей хотели бы стать знаменитыми в своей профессиональной сфере (рис. 7), а 33–39 % связывают свое будущее с весомыми профессиональными и карьерными достижениями, в том числе в плане руководящей деятельности – открытие собственного бизнеса, руководство экономическими субъектами и подразделениями.

Р и с. 7. Карьерные жизненные стратегии молодежи, %

F i g. 7. Career life strategies of young people, %

В рамках исследовательской модели духовно-нравственных стратегий была предложена типологизация духовно-нравственных диспозиций и определены основные типы молодежи по этой стратегии: тип ситуативной духовности (большинство выборов – 52 %), тип высокой духовности – второй по популярности ответ среди молодежи (32); конформный тип (11), циничный тип, отрицающий духовность как ценность (4 %). Представленность типа с ситуативной духовностью показывает определенные проблемы молодежного сообщества, связанные с адаптивной моралью.

Для верификации возможных жизненных планов молодежи по данной стратегии были предложены различные решения, связанные с нравственным и духовным ростом и проявлением. Так, обязательным в своей жизни 36 % респондентов считают повысить свой культурный уровень, 31 % хотели бы стать примером нравственных поступков. Все остальные выборы в равной степени характерны для групп от 26 до 28 % – надо сказать, что по сравнению с прошлым годом важность нравственных жизненных ориентиров повысилась. Так, например, совершить подвиг, что актуально в современной ситуации региона, могли бы 26 % (в 2022 г. – 21 %) (рис. 8).

Р и с. 8. Духовно-нравственные жизненные стратегии молодежи, %

F i g. 8. Spiritual and moral life strategies of youth, %

Типы образовательных стратегических диспозиций молодежи позволили определить, что большинство ориентированы на постоянное образование и самообразование (63 %). Вторым по значимости стал ответ «человек должен периодически проходить повышение квалификации по своей профессии» (29 %), что подчеркивает, с одной стороны, связь данных стратегий для трети молодежи (карьерных и образовательных), а с другой – определяет несколько формальный подход к образовательной деятельности. Менее всего представлены мнения, связанные с ограничением уровня образованности пределами образовательных организации (4 %) или школьным уровнем знаний (2 %).

Р и с. 9. Образовательные жизненные стратегии молодежи, %

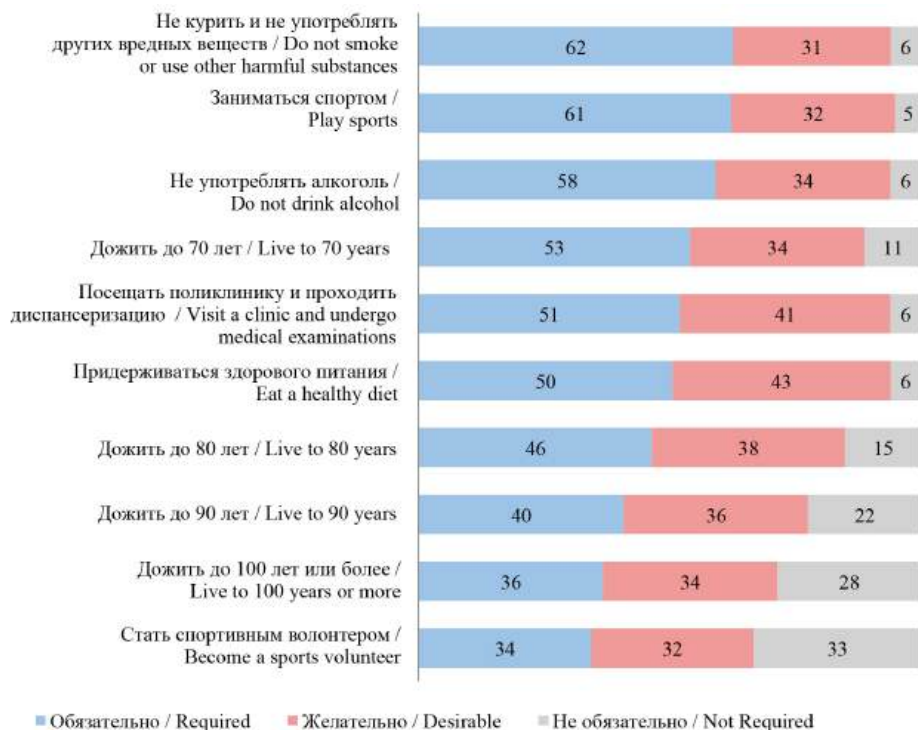
F i g. 9. Educational life strategies for young people, %

Жизненные выборы молодежи в рамках образовательных стратегий связаны прежде всего с обязательным желанием получить высшее образование и заниматься самообразованием (рис. 9). 31 % опрошенных в качестве обязательных действий указали получение второго высшего образования. Стоит отметить, что жизненные выборы в образовательных стратегиях дают небольшой показатель альтернативной отметки «не обязательно», что показывает их приоритет в жизненном планировании.

Самосохранительные стратегии молодежи определяют отношение молодых людей к своему здоровью и аспекты планирования мер по его сбережению. К типам, отличающимся установками на здоровый образ жизни и внимательное отношение к своему здоровью, относятся 81 % (сознательный и осознающий тип); типы, не отличающиеся бережным отношением к ресурсу своего здоровья и по большому счету жизни, составляют 18 % – при этом открыто признаются в нецелесообразном расходовании этого ресурса 4 %.

Обязательным в дальнейшем для 62 % становится неупотребление табака и других вредных веществ, для 61 – занятия спортом, для 58 % – отказ от алкоголя (рис. 10). Есть и потенциал спортивного волонтерства – и он не маленький, составляет 34 % – это может быть использовано в практиках и мероприятиях организации добровольческих движений, а также поддержке паралимпийского направления и реабилитации участников спецоперации (это направления, активно развивающиеся в регионе исследования).

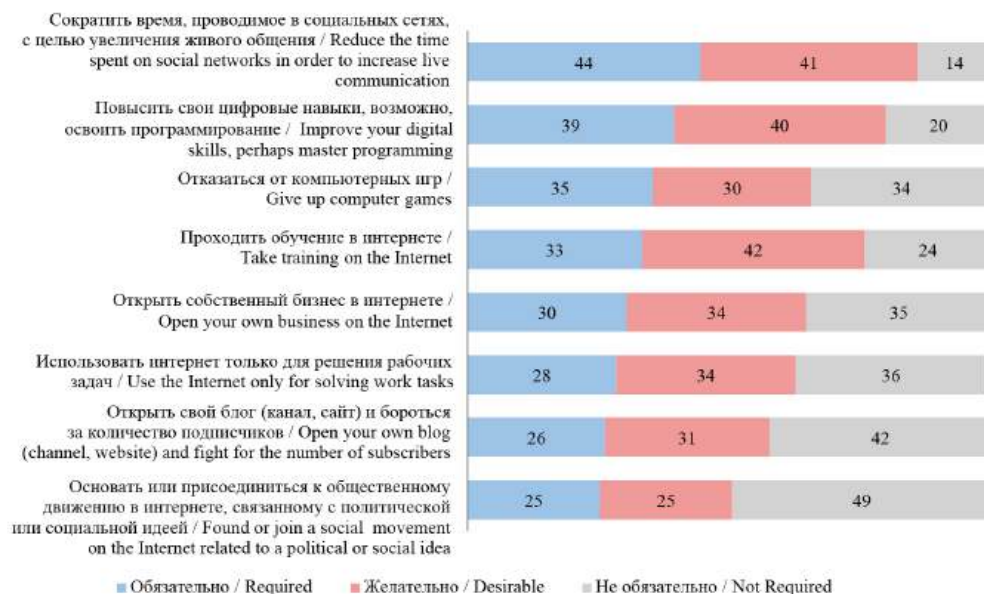

Р и с. 10. Самосохранительные жизненные стратегии молодежи, %

F i g. 10. Self-preservation life strategies of young people, %

Анализ коммуникативных стратегий показал, что среди молодежи региона преобладает тип, направленный на общение (заинтересованный в нем), но фильтрующий свои коммуникации (43 %), а вот экстравертированность в чистом виде характерна только для 29 %. Еще менее представлен избирательный тип, для которого общение не является целью и ценностью (17 %). Рисковой группой можно считать дефицитный коммуникативный тип, который испытывает определенные трудности в общении и нуждается в поддержке со стороны социализирующих субъектов (3 %). Наиболее значимые выборы у молодых людей следующие: сократить время, проводимое в интернет-общении в пользу живого контакта и больше общаться и заводить друзей, повысить свои цифровые навыки, проходить обучение в интернете, а также отказаться от компьютерных игр (35 %) (рис. 11). Растет количество молодых людей, которые хотели бы открыть свой бизнес в интернете, в 2023 г. таких уже 30 %.

Р и с. 11. Коммуникативные жизненные стратегии молодежи, %

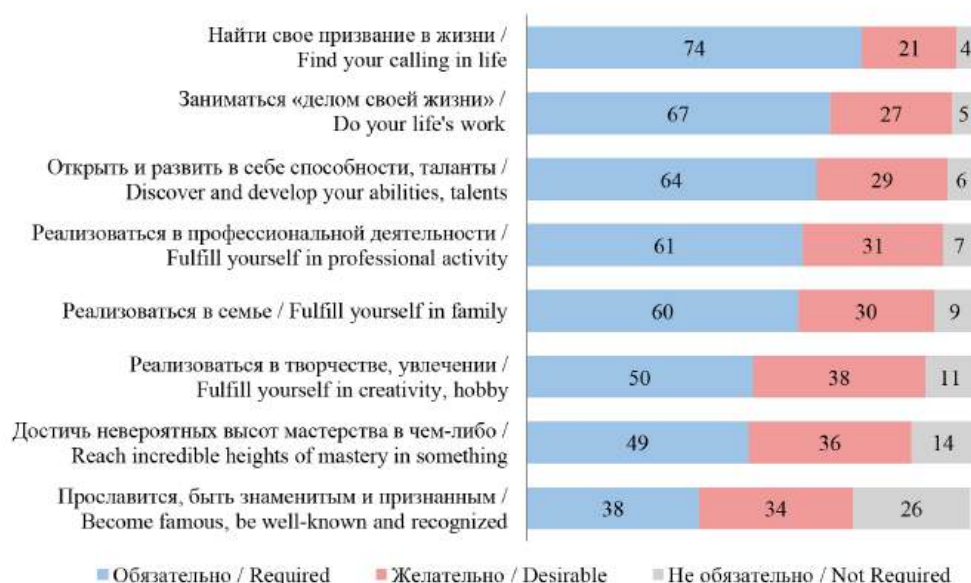
F i g. 11. Communication life strategies of young people, %

Среди жизненных планов чаще других в категорию «не обязательно» молодые люди относили поддержку движений в интернете, связанных с какой-то политической или социальной идеей. Блогерство как альтернативная форма самопрезентации и бесконтактной коммуникации привлекает 26 %. Несмотря на то, что эта группа не является большинством, относительно собственно блогерского явления это достаточно масштабный показатель – каждый четвертый хочет открыть и развивать свой блог – это специфика нового поколения, специфика самопрезентации, коррелирующая с показателем необходимости открыть свой обучающий курс у большинства современной молодежи. По аналогии

с политическими и карьерными стратегиями, мы можем говорить здесь о «коммуникативных амбициях» – оценка собственных коммуникативных компетенций, значимости транслируемых идей позволяет четверти молодых людей планировать такой жизненный шаг.

В рамках исследования было выявлено распределение типов стратегических диспозиций (в основе типологии лежат показатели ценности и возможностей самореализации): так, среди региональной молодежи наиболее представлен самореализационно-ориентированный тип (67 %), для которого самореализация имеет первостепенное значение; такая молодежь выбирает самореализацию как ключевой фактор принятия решения по всем остальным стратегиям. Вторым по распространенности становится самореализационно-отстраненный тип (22 %), для которого вопрос самореализации не является проблемным, ценность самореализации не очевидна. Отдельную проблему представляют самореализационно-дезориентированный тип (7 %), не знающий, где и как себя реализовать, и самореализационно-уничижительный тип (3 %), считающий, что у него нет потенциала и возможностей к самореализации.

Самореализационные стратегии определяют и важность жизненных шагов, которые связаны с обязательным желанием найти свое призвание в жизни, заниматься делом своей жизни и открыть способности и таланты – все это актуализирует работу с талантливой молодежью со стороны органов государственной молодежной политики и образовательных организаций региона (рис. 12).

Р и с. 12. Жизненные стратегии самореализации молодежи, %

F i g. 12. Life strategies for self-realization of youth, %

Дополнительными чертами в социальном портрете становится и то, что для молодежи в первую очередь важно реализоваться в профессии, потом в семье (в 2023 г. эти показатели максимально сблизились). Аспект признания

и известности волнует в жизненной перспективе 38 %, и снова мы сталкиваемся с определенным показателем амбициозности в жизненных планах – одна из характерологических социальных черт молодежи области.

Обсуждение и заключение. Сравнительный анализ результатов эмпирических исследований социальных стратегий молодежи показал, что значимыми факторами, определяющими разность показателей, являются период (год) и территория проведения исследования. Но ключевым различительным моментом в получаемых результатах (а также фильтром для возможности их сравнения с другими исследованиями) становится исследовательская модель. Можно сделать общий вывод: несмотря на единообразие названия социальных стратегий молодежи, потенциал сравнения (ценность которого в установлении динамики и различительных особенностей разных территорий) в научном дискурсе невысок. Разница исследовательских моделей и задач, стоящих перед научными коллективами, не всегда позволяет получить показатели, поддающиеся унификации относительно друг друга. Поэтому особую ценность для конкретных территорий приобретают мониторинги, проведенные по единой методике, позволяющей увидеть социальный отклик молодежи на целенаправленные изменения в социальной и молодежной политике региона.

Проведенное исследование позволило получить социальный портрет региональной молодежи, состоящий из ведущих черт стратегических диспозиций и ключевых жизненных планов молодых людей. Рассмотрение показателей важности жизненных шагов выделило наибольшую значимость для региональной молодежи экономических, самореализационных, самосохранительных, образовательных, карьерных и досуговых стратегий – большое количество молодежи рассматривает жизненные планы по данным стратегиям как действительно важные для них, как основу социального благополучия.

Преимущественными социальными чертами региональной молодежи являются: легкое отношение к деньгам, восприятие их как средства получения положительных эмоций; поверхностный интерес к политике, избегание глубокого погружения в политические проблемы и анализ; концентрация на себе и своих проблемах, общественное участие, связанное с событийным волонтерством; высокая занятость, наличие совсем небольшого времени для досуга; приверженность традиционным семейным ценностям; склонность к смене места жительства, поиску лучших условий для жизни, невысокий индекс «оседлости»; ориентация на карьеру, готовность к жертвам и усилиям для ее достижения; ориентация на ситуацию при нравственном выборе (ситуативная, избирательная нравственность); стремление к постоянному обучению и самообразованию; внимательное отношение к своему здоровью; экологичное отношение к коммуникациям; первостепенность самореализации в жизненных стратегиях.

Можно увидеть ключевые акценты социального портрета, показывающие будущий вектор формирования регионального человеческого капитала, его потенциал для территориального развития – это карьерные устремления, способность молодежи инвестировать свои усилия в профессиональную деятельность, обеспечивать в том числе и экономический рост региональных показателей; ориентация на традиционную семью создает фундамент для решения

демографических задач, стоящих перед регионом; широкий образовательный горизонт молодежи дает возможность говорить о качестве человеческого капитала с позиции его культурной составляющей, квалифицированности региональных кадров; ориентация на самосохранительное поведение позволяет региону менять концепцию здравоохранения, переводя ее в парадигму здоровьесбережения; самореализационный вектор в развитии позволяет предположить наличие инновационного потенциала человеческого капитала и, соответственно, закладывать данный вектор в региональном развитии.

Одновременно с этим социальные черты портрета продуцируют явные риски для регионального развития, которые прежде всего связаны с потенциальной экономической инфантильностью, которая может продуцировать неэффективные экономические стратегии, связанные с необоснованным кредитованием, чрезмерным и неконтролируемым потребительским поведением, отсутствием планирования бизнес-процессов и семейного бюджета. Общественная пассивность и политическая эгоцентричность, безусловно, будут влиять на консолидационный потенциал региона, на процессы гражданской солидаризации, принятия гражданской ответственности и проявления гражданской активности – все эти черты будут понижать качество регионального человеческого капитала. Кроме того, в сочетании с ситуативной духовностью пассивность и эгоцентричность определяют риски аномии, маргинализации и, как крайнюю форму, идеологическую турбулентность – гибкое мировоззрение, адаптированное под собственные интересы. Отдельную важность для региона и формирования его человеческого капитала приобретает риск повышенной миграции молодежи, усугубляющийся своей беспричинностью: независимо от усилий регионального сообщества и властей общественное мнение в молодежной среде связано с поиском иных вариантов проживания. Отток молодежи может стать чувствительным для приграничного региона в условиях общей миграции граждан, обусловленной проблемами безопасности.

Каждый планируемый молодежью жизненный шаг, помимо подтверждения выше обозначенных потенциалов и рисков, формирует задачи, стоящие перед регионом для обеспечения возможностей их реализации для молодежи. Так, ориентация на достойный доход, позволяющий иметь накопления, открыть собственный бизнес, оказывать помощь родителям и удовлетворить потребительские потребности молодежи, ставит задачу по созданию высокооплачиваемых рабочих мест, контролю роста заработных плат высококвалифицированных и дефицитных для региона специалистов. Желание участвовать в волонтерских мероприятиях прежде всего поднимает проблему информирования и мотивации молодежи, особенно в случае перехода ее в статус работающей и т. д.

Каждая социальная черта портрета региональной молодежи обуславливает поиск возможностей ее поддержки (или коррекции), связанный с работой региональной власти, органами управления молодежной политики, что еще раз подчеркивает актуальность мониторингов по данному направлению. Возможность использования материалов статьи при планировании мероприятий государственной молодежной политики (на федеральном и региональном уровне), в определении акцентов социально-воспитательной работы в образовательных

учреждениях региона, а также для прогнозирования потенциалов и рисков в развитии регионального человеческого капитала определяет ее практическую значимость.

Перспектива обозначенных в статье исследований связана с рассмотрением социальных стратегий отдельных социальных групп молодежи, поиском возможных признаков стратификации. Особый интерес в этом отношении представляют социально уязвимые группы молодежи. Важным продолжением исследований можно считать и поиск индикаторов в социальных стратегиях молодежи, отражающих ключевые показатели эффективности региона и возможности его социального развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Страхи российского студенчества в ситуации социальной неопределенности (весна 2022 года) / М. В. Певная [и др.] // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 116–136. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-9>
2. Ярмек О. В., Дерюгин П. П., Ярмек В. Е. Социальный портрет современного студента // Дискурс. 2019. Т. 5, № 4. С. 53–64. <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2019-5-4-53-64>
3. Гимаев И. З. Некоторые аспекты трудовой активности и занятости современной студенческой молодежи: социально-демографический портрет (по материалам социологического исследования в Республике Башкортостан) // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2023. № 4 (61). С. 16–23. <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2023.4.16-23>
4. Монгуш Д. Ш. О. Студенческая молодежь Республики Тыва как особая социальная категория региона // Теории и проблемы политических исследований. 2023. Т. 12, № 2А. С. 26–35. URL: <http://publishing-vak.ru/file/archive-politology-2023-2/a3-mongush.pdf> (дата обращения: 11.06.2024).
5. Вишневецкий Ю. Р., Певная М. В., Телепаева Д. Ф. Результаты 25-летнего мониторинга уральского студенчества как отражение трансформации студенческой семьи // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Сер.: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 1. С. 43–56. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-43-56>
6. Шмарион Ю. В., Хрусталева Е. П. Социальный портрет сельских старшеклассников // Власть. 2021. Т. 29, № 5. С. 202–209. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i5.8558>
7. Сухова Е. А. Портрет социальной активности молодежи в возрасте 18–24 лет Ямало-Ненецкого автономного округа Российской Федерации // Вестник университета. 2023. № 10. С. 245–255. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-10-245-255>
8. Анцупова А. С. Особенности работающей молодежи // Материалы Афанасьевских чтений. 2023. № 3 (46). С. 9–12. EDN: NFABWZ
9. Буланова М. Б., Артамонова Е. А. Neet-молодежь: европейский контекст и российские реалии // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. 2020. Т. 20, № 1. С. 64–72. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-1-64-72>
10. Ахметгалиева А. Р., Рустамова Г. М. Социальное самочувствие и миграционные установки сельской молодежи Республики Татарстан // Вестник экономики, права и социологии. 2020. № 4. С. 190–194. EDN: KQZOCF
11. Лобова С. В., Долженко Р. А., Илюшников К. К. Социальный портрет потенциального молодого мигранта: по результатам опроса молодежи Алтайского края // Экономическое развитие региона: управление, инновации, подготовка кадров. 2019. № 6. С. 392–398. EDN: MAQCDB
12. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3 (157). С. 13–41. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602>

13. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодежи // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10, № 4. С. 164–186. <https://doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.614>
14. Kingsbury M., Alaie I., Colman I. Pathways from Early Life Adversities to Youth Marginalization: A Longitudinal Study of Youth Not in Education, Employment, or Training // Journal of Adolescent. 2024. <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2024.08.011>
15. Chiu H.-Y., McGuire A. B., Rodriguez A. M. Maneuvering through Life with Positivity: Estimating the Effects of Foster Youth's Appraisal on Coping Styles // Children and Youth Services Review. 2023. Vol. 155. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2023.107159>
16. Blakeslee J. E., Powers L. E., Bryant M. Evaluating the My Life Self-Determination Model for Older Youth in Foster Care: Establishing Efficacy and Exploring Moderation of Response to Intervention // Children and Youth Services Review. 2020. Vol. 119. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2020.105419>
17. Papadakis N., Amanaki E., Saridaki S. Employment / Unemployment, Education and Poverty in the Greek Youth, within the EU Context // International Journal of Educational Research. 2020. Vol. 99. <https://doi.org/10.1016/j.ijer.2019.101503>
18. Abu-Gweder A. The Golden Path in the Lives of Arab-Bedouin Female Students: "The Profession of Teaching for Myself and for Family Support as a Lever for Academic Success" // International Journal of Educational Research. 2024. Vol. 127. <https://doi.org/10.1016/j.ijer.2024.102424>
19. Mountz S., Dill LeC. J., Dyett J. "It's okay to Dream: Navigating Trauma, Healing, and Futuring among LGBTQ + Black Girls, Transgender and Nonbinary Youth in New York State" // Children and Youth Services Review. 2024. Vol. 163. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2024.107755>
20. Dickerson K. L., Quas J. A. Perceived Life Expectancy, Environmental Unpredictability, and Behavior in High-risk Youth // Journal of Applied Developmental Psychology. 2021. Vol. 77. <https://doi.org/10.1016/j.appdev.2021.101344>
21. Kolleck N., Schuster J. Youth Participation in Global Policy Networks on Climate Change // International Journal of Educational Research. 2022. Vol. 114. <https://doi.org/10.1016/j.ijer.2022.102002>
22. Pritzker S., Moreno D., Campos S. Promoting Good Trouble: Latinx Youth-Driven Change Strategies for Civic Engagement and Activism // Children and Youth Services Review. 2024. Vol. 164. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2024.107807>
23. Factors that Enhance and Limit Youth Empowerment, According to Social Educators / L. Asunción [et al.] // Qualitative Research Journal. 2023. Vol. 23, issue 5. <https://doi.org/10.1108/QRJ-04-2023-0063>
24. Chudgar A., Chavda J. Listening to Youth Voices: Text Analysis of Youth Essays about their Communities and Concerns // International Journal of Educational Research. 2023;119. <https://doi.org/10.1016/j.ijer.2023.102176>
25. Бочаров В. Ю. Концепция баланса работы и личной жизни как основание для типологии стратегий трудового поведения рабочей молодежи // Социально-трудовые исследования. 2020. № 2 (39). С. 113–129. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2020-39-2-113-129>
26. Казенов Р. С. Карьерные стратегии молодежи в условиях социальной трансформации // Академия педагогических идей «Новация». 2019. № 5. С. 66–69. EDN: JKIVVH
27. Трудовые стратегии выпускников медицинских образовательных учреждений: прогнозируемые риски медицинской отрасли / И. С. Шаповалова [и др.] // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2023. Т. 31, № S1. С. 774–783. <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-s1-774-783>
28. Котов Д. А., Грек Н. В. Трансформация репродуктивного поведения в контексте жизненных стратегий российской молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3 (157). С. 499–517. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1628>
29. Благорожева Ж. О. Семейные стратегии региональной молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 91–102. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-7>
30. Самосохранительные и репродуктивные стратегии современной студенческой молодежи: медико-социологический анализ / А. И. Малышкина [и др.] // Женщина в российском обществе. 2023. № 4. С. 113–122. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2023.4.9>

31. Шаповалова И. С. Политические стратегии молодежи: будет ли наша политика молодой? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Социология. Политология. 2022. Т. 22, № 1. С. 39–45. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-39-45>
32. Шаповалова И. С., Валиева И. Н. Протестный потенциал регионального студенчества в России: социальные предпосылки // Интеграция образования. 2022. Т. 26, № 2 (107). С. 345–362. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.107.026.202202.345-362>
33. Толстиков В. А., Извекова Ю. С., Кашина Т. Л. Образовательная стратегия как один из важнейших компонентов жизненной стратегии молодежи // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2019. № 5 (40). С. 38–43. <https://doi.org/10.24153/2079-5912-2019-10-5-38-43>
34. Косарева Е. С., Чистяков А. В., Маслова Ю. В. Образовательные стратегии российской молодежи в условиях цифровизации общества // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Сер.: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 5. С. 66–74. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-66-74>
35. Антонова Н. Л. Потенциальная территориальная мобильность молодежи: факторы, барьеры, стратегии // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2019. Т. 3, № 3. С. 277–282. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2019-3-3-277-282>
36. Рябкова С. А., Крючков И. В., Гарин А. А. Досуг как фактор проектирования жизненной стратегии молодежи // Современные исследования социальных проблем. 2020. Т. 12, № 2-2. С. 91–100. EDN: PMGWSR
37. Харитонов И. Н. Подходы к изучению социально-экономических жизненных стратегий сельской молодежи // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Сер. 5. Экономика. Социология. Биология. 2023. Т. 13, № 3. С. 101–109. EDN: YVAOTK
38. Благорожева Ж. О., Шаповалова И. С. Влияние альтернативных ценностей и установок на matrimониальные стратегии молодежи // Социальная политика и социология. 2024. Т. 23, № 2 (151). С. 30–39. <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2024-23-2-30-39>

REFERENCES

1. Pevnaya M.V., Shuklina E.A., Kienko T.S., Tarasova A.N., Andrianova E.V., Khudyakova M.V., Shapovalova I.S. Fears of Russian Students in a Situation of Social Uncertainty (Spring 2022). *Research Result. Sociology and Management*. 2022;8(3):116–136. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-9>
2. Yarmak O.V., Deryugin P.P., Yarmak V.E. Social Portrait of a Modern Student. *Discourse*. 2019;5(4):53–64. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2019-5-4-53-64>
3. Gimaev I.Z. Some Aspects of Labor Activity and Employment of Modern Student Youth: Socio-Demographic Portrait (Based on the Materials of a Sociological Study in the Republic of Bashkortostan). *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2023;(4):16–23. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2023.4.16-23>
4. Mongush D.Sh.O. Student Youth of the Republic of Tyva as a Special Social Category of the Region. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy*. 2023;12(2A):26–35. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <http://publishing-vak.ru/file/archive-politology-2023-2/a3-mongush.pdf> (accessed 11.06.2024).
5. Vishnevsky Yu.R., Pevnaya M.V., Telepayeva D.F. Results of 25-year Monitoring of the Ural Students as a Reflection of the Transformation of the Student Family. *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI) Series Socio-Economic Sciences*. 2022;15(1):43–56. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-43-56>
6. Shmarion Yu.V., Khrustaleva E.P. Social Portrait of Rural High School Students. *Vlast*. 2021;29(5):202–209. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i5.8558>
7. Sukhova E.A. Portrait of Social Activity of Youth Aged 18–24 in the Yamal-Nenets Autonomous District of Russia. *Vestnik universiteta*. 2023;(10):245–255. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-10-245-255>

8. Antsupova A.S. Features of Working Youth. *Materialy Afanasevskikh chteniy*. 2023;(3):9–12. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: [NFABWZ](#)
9. Bulanova M. B., Artamonova E. A. NEET-Youth: European Context and Russian Realities. *RUDN Journal of Sociology*. 2020;20(1):64–72. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-1-64-72>
10. Akhmetgalieva A.R., Rustamova G.M. Social Well-Being and Migration Attitudes of Rural Youth of the Republic of Tatarstan. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*. 2020; (4):190–194. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: [KQZOCF](#)
11. Lobova S.V., Dolzhenko R.A., Ilyushnikov K.K. Social Portrait of a Potential Young Migrant: Based on the Results of a Survey of Young People in Altai Krai. *Ekonomicheskoe razvitiye regiona: upravlenie, innovatsii, podgotovka kadrov*. 2019;(6):392–398. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: [MAQCDB](#)
12. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Life Strategies of Young People: Fulfillment of Expectations and Social Sentiments. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2020;(3):13–41. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602>
13. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Self-Regulation of Life Purpose Values in Youth Cultural Space. *Vestnik Instituta sotsiologii*. 2019;10(4):164–186. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.614>
14. Kingsbury M., Alaie I., Colman I. Pathways from Early Life Adversities to Youth Marginalization: A Longitudinal Study of Youth Not in Education, Employment, or Training. *Journal of Adolescent*. 2024. <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2024.08.011>
15. Chiu H.-Y., McGuire A.B., Rodriguez A.M. Maneuvering Through Life with Positivity: Estimating the Effects of Foster Youth's Appraisal on Coping Styles. *Children and Youth Services Review*. 2023;155. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2023.107159>
16. Blakeslee J.E., Powers L.E., Bryant M. Evaluating the My Life Self-Determination Model for Older Youth in Foster Care: Establishing Efficacy and Exploring Moderation of Response to Intervention. *Children and Youth Services Review*. 2020;119. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2020.105419>
17. Papadakis N., Amanaki E., Saridaki S. Employment / Unemployment, Education and Poverty in the Greek Youth, within the EU Context. *International Journal of Educational Research*. 2020. <https://doi.org/10.1016/j.ijer.2019.101503>
18. Abu-Gweder A. The Golden Path in the Lives of Arab-Bedouin Female Students: “The Profession of Teaching for Myself and for Family Support as a Lever for Academic Success”. *International Journal of Educational Research*. 2024;127. <https://doi.org/10.1016/j.ijer.2024.102424>
19. Mountz S., Dill LeC. J., Dyett J. “It’s Okay to Dream: Navigating Trauma, Healing, and Future among LGBTQ + Black Girls, Transgender and Nonbinary Youth in New York State”. *Children and Youth Services Review*. 2024;163. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2024.107755>
20. Dickerson K.L., Quas J.A. Perceived Life Expectancy, Environmental Unpredictability, and Behavior in High-risk Youth. *Journal of Applied Developmental Psychology*. 2021;77. <https://doi.org/10.1016/j.appdev.2021.101344>
21. Kolleck N., Schuster J. Youth Participation in Global Policy Networks on Climate Change. *International Journal of Educational Research*. 2022;114. <https://doi.org/10.1016/j.ijer.2022.102002>
22. Pritzker S., Moreno D., Campos S. Promoting Good Trouble: Latinx Youth-Driven Change Strategies for Civic Engagement and Activism. *Children and Youth Services Review*. 2024;164. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2024.107807>
23. Asunción L., Berñe A., Planas-Lladó P., Valdivia-V. Factors that Enhance and Limit Youth Empowerment, According to Social Educators. *Qualitative Research Journal*. 2023;23(5). <https://doi.org/10.1108/QRJ-04-2023-0063>
24. Chudgar A., Chavda J. Listening to Youth Voices: Text Analysis of Youth Essays About Their Communities and Concerns. *International Journal of Educational Research*. 2023;119. <https://doi.org/10.1016/j.ijer.2023.102176>
25. Bocharov V.Yu. The Concept of Work-Life Balance as a Basis for a Typology of Strategies Labor Behavior of Working Youth. *Social and Labor Research*. 2020;(2):113–129. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2020-39-2-113-129>

26. Kazenov R.S. Career Strategies of Young People in the Context of Social Transformation. *Academy of Pedagogical Ideas "Innovation"*. 2019;(5):66–69. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: JKIVVH

27. Shapovalova I.S., Khashaeva S.V., Chernysheva E.A., Blagorozheva Zh.O., Valieva I.S. Labor Strategies of Graduates of Medical Educational Institutions: Predicted Risks of the Medical Industry. *Problemy sotsialnoy gigieny, zdavookhraneniya i istorii meditsiny*. 2023;31(S1):774–783. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-s1-774-783>

28. Kotov D.A., Grek N.V. Transformation of Reproductive Behavior in Life Strategies of the Russian Youth. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2020;(3):499–517. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1628>

29. Blagorozheva Zh.O. Family Strategies of Regional Youth. *Research Result. Sociology and Management*. 2022;8(3):91–102. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-7>

30. Malyshkina A.I., Kuligina M.V., Panova I.A., Rychikhina N.S. Self-Preservation and Reproductive Strategies of Modern Student Youth: Medical and Sociological Analysis. *Woman in Russian Society*. 2023;(4):113–122. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21064/WinRS.2023.4.9>

31. Shapovalova I.S. Political Strategies of Youth: Will our Politics be Young? *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 2022;22(1):39–45. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-39-45>

32. Shapovalova I.S., Valieva I.N. Protest Potential of Regional Students in Russia: Social Prerequisites. *Integration of Education*. 2022;26(2):345–362. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/1991-9468.107.026.202202.345-362>

33. Tolstikov V.A., Izvekova Yu.S., Kashina T.L. Educational Strategy as One of the Most Important Components of the Life Strategy of Young People. *Kazanskiy sotsialno-gumanitarnyy vestnik*. 2019;(5):38–43. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24153/2079-5912-2019-10-5-38-43>

34. Kosareva E.S., Chistyakov A.V., Maslova Yu.V. Educational Strategies of Russian Youth in the Context of Digitalization of Society. *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI) Series Socio-Economic Sciences*. 2023;16(5):66–74. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-66-74>

35. Antonova N.L. Potential Territorial Mobility of Young People: Factors, Barriers, Strategies. *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*. 2019;3(3):277–282. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2019-3-3-277-282>

36. Ryabkova S.A., Kryuchkov I.V., Garin A.A. Leisure as a Factor in Designing the Life Strategy of Young People. *Sovremennye issledovaniya sotsialnykh problem*. 2020;12(2-2):91–100. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: PMGWSR

37. Kharitonov I.N. Approaches to the Study of Socio-Economic Life Strategies of Rural Youth. *Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yanki Kupaly. Seriya 5. Ekonomika. Sociologiya. Biologiya*. 2023;13(3):101–109. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: YVAOTK

38. Blagorozheva Zh.O., Shapovalova I.S. The Influence of Alternative Values and Attitudes on Matrimonial Strategies of Young People. *Sotsialnaya politika i sotsiologiya*. 2024;23(2):30–39. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2024-23-2-30-39>

Об авторах:

Шаповалова Инна Сергеевна, доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и организации работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, д. 85), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2855-8968>, Researcher ID: R-6955-2016, Scopus ID: 56728382600, SPIN-код: 2477-0791, shapovalova@bsuedu.ru

Заводян Ирина Сергеевна, старший преподаватель кафедры социологии и организации работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, д. 85), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6334-6565>, SPIN-код: 4529-9583, zavodyan@bsuedu.ru

Заявленный вклад авторов:

И. С. Шаповалова – подготовка текста статьи; научное руководство; критический анализ и доработка текста.

И. С. Заводян – организация исследования; подготовка инфографики; критический анализ и доработка текста.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 09.08.2024; одобрена после рецензирования 02.10.2024; принята к публикации 14.10.2024.

About the authors:

Inna S. Shapovalova, Dr.Sci. (Sociol.), Associate Professor, Head of the Chair of Sociology and Organization of Work with Youth, Belgorod State National Research University (85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2855-8968>, Researcher ID: [R-6955-2016](https://orcid.org/0000-0002-2855-8968), Scopus ID: [56728382600](https://orcid.org/0000-0002-2855-8968), SPIN-code: [2477-0791](https://orcid.org/0000-0002-2855-8968), shapovalova@bsuedu.ru

Irina S. Zavodyan, Senior Lecturer of the Chair of Sociology and Organization of Work with Youth, Belgorod State National Research University (85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6334-6565>, SPIN-code: [4529-9583](https://orcid.org/0000-0002-6334-6565), zavodyan@bsuedu.ru

Contribution of the authors:

I. S. Shapovalova – text preparation; scientific supervision; critical analysis and revision of the text.

I. S. Zavodyan – organization of the research; infographic design; critical analysis and revision of the text.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 09.08.2024; revised 02.10.2024; accepted 14.10.2024.